В.М. Теребихин*

**К вопросу о валидности и актуальности использования идей
Питирима Сорокина о самоубийстве для анализа суицидального поведения
населения Республики Коми в конце XX – первом десятилетии XXI века**

В статье осуществлено тестирование идей П.А. Сорокина о феномене самоубийства на их актуальность и валидность применительно к современным тенденциям и флуктуациям суицидальной смертности в Республике Коми. Сделан вывод, что социоантропологическая теория самоубийств Эмиля Дюркгейма, разработанная в конце XIX – начале XX века, модифицированная, модернизированная и используемая П.А.Сорокиным для анализа суицидального поведения населения России начала и середины XX века, по многим параметрам является валидной и актуальной для изучения процессов суицидогенеза в современном российском обществе, в том числе, и на его родине, в Республике Коми в конце XX – первом десятилетии XXI века.

Ключевые слова: самоубийство, флуктуации суицидального поведения, суицидальная смертность, суициденты, валидность, индекс «сверхсуицидальности», суицидогенез, коэффициент суицидальной активности

V.M. Terebihin

**To the question of the validity and relevance of using Pitirim Sorokin's ideas
about suicide for analyzing the suicidal behavior of the population
of the Komi Republic in the late 20th – first decade of the 21st century**

In the article, the testing of the ideas of P.A. Sorokin on the phenomenon of suicide on their relevance and validity, in relation to modern trends and fluctuations in suicide mortality in the Republic of Komi. Concluded that the socio-anthropological theory of suicide Durkheim, developed in the late XIX – early XX century, modified and used for PA Sorokin analysis of suicidal behavior of the Russian population the beginning and middle of the XX century in many ways is a valid and relevant for the study suitsidogeneza processes in modern Russian society, including h follows, and in his homeland, in the Komi Republic in the end of XX – the first decade of the XXI century.

Key words: suicide, suicidal behavior fluctuations, suicidal mortality, suicides, validity, “suicidal” index, suicidal genesis, suicidal activity coefficient

В общем дизайне антропологической концепции П.А. Сорокина свою «научную нишу» занимает теория самоубийств, его концептуальные идеи о самоубийстве как сложнейшем, многофакторном антропо-социально-психо-экзистенциальном явлении, «неизъяснимом феномене в нравственном мире» (Н.Карамзин).

Анализ работ П.А. Сорокина, в которых в той или иной степени представлены проблемы самоубийств, позволяет сделать вывод, что выдающегося макросоциолога интересовала вся совокупность исследовательских вопросов, связанных с суицидом: сущность самоубийства как социального явления, причины, факторы, динамика, тенденции суицидального поведения, флуктуации суицида в пространстве и времени, демо-

* Теребихин Владимир Михайлович (Сыктывкар) – кандидат философских наук, эксперт ГБУ РК Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина г. Сыктывкар, ул. Интернациональная, д. 196; e-mail: v.terebikhin@mail.ru

социальные, гендерные, этнические, конфессиональные, территориальные и многие другие многомерные аспекты суицидогенеза.

Для проектирования данной статьи автор попытался выявить валидность, актуальность идей П. Сорокина о феномене самоубийства, его анализу оценок уровня, динамики и причин суицида в начале – середине XX в. применительно к тенденциям и флуктуациям суицидального поведения населения на родине П.А. Сорокина, в Республике Коми в конце XX – первом десятилетии XXI в.

Реализация изложенного выше исследовательского подхода позволяет сделать обобщающий, интегративный вывод, что теория самоубийств Эмиля Дюркгейма, разработанная им в конце XIX – начале XX в., адаптированная, модернизированная, модифицированная и используемая П.А. Сорокиным для анализа суицидального поведения населения в начале и середине века двадцатого, является по многим параметрам актуальной и валидной для изучения тенденций самоубийств, суицидогенеза в современном российском обществе, в том числе, и на его родине, в конце XX – в первом десятилетии XXI в.

Прежде всего представляет интерес концептуализация П.А. Сорокиным категории «самоубийство». Это понятие представлено им в статье «Самоубийство, как общественное явление». По его мнению, этот феномен есть «сознательный и добровольный отказ от жизни, иначе говоря, добровольное хотение смерти, как цели, а не как средства для чего-нибудь другого» [1, с. 23].

Следует отметить, что в современной философской суицидологии самоубийство определяется «как сознательное, свободное, целенаправленное и самостоятельно осуществлённое достижение человеком смерти» [2, с. 45]. Таким образом, сущностное ядро концепта «самоубийство» как самоинициированной смерти, сформулированное П.А. Сорокиным в 1913 г., в полной мере сохранило научный потенциал, является основой концептуализации этой категории в современной философской суицидологии.

В уже цитируемой выше брошюре П.А. Сорокина «Самоубийство как общественное явление» он писал, «самоубийство ... растёт с поражающей быстротой, все больше и больше угрожая обществу и его членам. Раз это так, то, очевидно, есть какие-то особые причины, которые вызывают это «бытовое явление». Чтобы успешно бороться с ним – прежде всего, очевидно, необходимо найти и изучить эти причины; в противном случае всякая борьба с ними будет бесполезной» [1, с. 33].

В структуре каузального комплекса суицидального поведения П.А. Сорокин выделял главную общую причину и главную конкретную причину самоубийств. Так, согласно П. Сорокину «главная общая причина роста самоубийств – это рост одиночества личности, ее оторванность от общества, в свою очередь представляющая результат нашего беспорядочно организованного общества. На этой-то общей почве и развивается самоубийство. Ей мы обязаны тем, что достаточно, малейшей неудачи, чтобы человек свел счеты с жизнью... Причины или факторы самоубийства следует искать в социальной или общественной жизни людей» [3, с. 168].

Главная конкретная причина по П. Сорокину – «это нужда, голод и безработица – следствие того же беспорядочного устройства общества, поэтому высший процент самоубийц дают именно безработные» [1, с. 27]. Этот вывод подтверждается феноменологией самоубийств на первом десятилетии XXI в. на родине П. Сорокина. По данным Комистата, «каждый второй совершивший суицидальный поступок – безработный... лишь треть самоубийц имели работу» [4, с. 5].

Анализ динамики самоубийств в Республике Коми, (как и в целом в Российской Федерации), подтверждает вывод Э. Дюркгейма – П. Сорокина о том, что с началом реформ кривая самоубийств падает, поскольку «чувство индивидуального» уступает место чувству совместной принадлежности к общему делу» [3, с.201].

Начатая М.С. Горбачевым «реформа-перестройка» во второй половине 1980-х гг. оказала положительное влияние на динамику самоубийств. Так, если в 1985 г. коэффициент самоубийств (число самоубийств на 100 тыс. населения) в республике был 41.1, то к 1987 г. он снизился до 25.8 (т.е. в 1.6 раза). Сокращение суицидальной смертности в середине 1980-х гг. объясняется улучшением макропсихологического состояния общества с началом перестройки и усилением в этой связи у людей чувства совместной принадлежности к общему важному делу. Согласно закону «духовно-демографической детерминации», в этот период произошло повышение «воли к жизни», что проявилось в росте рождаемости, увеличении количества браков, снижении смертности, уровня преступности, разводов. Отмечался ряд других позитивных демосоциальных изменений. Этому способствовало и сокращение потребления спиртного, особенно на начальном этапе «антиалкогольной кампании».

Однако быстро наступившее разочарование «реформами» и начавшаяся социетальная трансформация начала 1990-х гг. послужили катализатором резкого скачка в уровне самоубийств с 1992 г.

Для большинства населения период «ревотрансформаций», «шоковой терапии» был периодом сложных экзистенциальных, психолого-эмоциональных испытаний. «Социотрясение» (Б. Грушин) начала 1990-х гг. способствовало усилению маргинализации населения. Населению была нанесена тяжелейшая биопсихологическая и «социокультурная травма» (П. Штомпка), сформировался социогуманитарный (антропологический) кризис.

Основной социодинамической характеристикой самоубийств, как одной из форм антропологического кризиса и чувствительным индикатором психосоциального дистресса, в первые годы «реформы» в Республике Коми (как и в целом в Российской Федерации) являлось значительное увеличение темпов прироста самоубийств. Так, уровень самоубийств в 1995 г. по сравнению с 1990 г. возрос почти на 90 % (по РФ в целом, на 56 %). Причинные суицидогенные основания резкого изменения кривой роста индекса самоубийств середины 1990-х гг. также могут быть объяснены концепцией Дюркгейма – Сорокина, согласно которой во время экономических кризисов, бедствий, психологического «голода» происходят разрывы социальных связей, что стимулирует ментальную дезинтеграцию и дезорганизацию, когда появляется психосоциальная изоляция. Не потеряло актуальности и сегодня классическое истолкование Э. Дюркгеймом и П. Сорокиным самоубийства, как ответа на потерю привычного образа жизни, невозможности адаптироваться к новым социальным условиям – аномии, социальной дезорганизации.

В «нулевые», «тучные годы» периода «постреволюционной релаксации» (С.С. Сулакшин) отмечалась тенденция снижения суицидальной активности. В целом за последние 18 лет количество самоубийств снизилось в Республике Коми в 1.5 раза. Но, и современный уровень суицидальной смертности является критически высоким. Он в 1.5 раза превышает предельно допустимые параметры, установленные Всемирной организацией здравоохранения. Заметим, что по нашим расчетам на территории Коми края в начале XX в. (1904–1913 гг.), уровень суицидальной смертности составлял три случая на 100 тыс. населения. В середине 90-х гг. XX в. показатель суицидальной активности составлял около 60 самоубийств на 100 тыс. населения, в первом десятилетии XXI в. – 31. Повышенный по сравнению со среднероссийским уровень самоубийств на родине Питирима Сорокина объясняется «повышенным суицидогенным фоном» в регионе. Прежде всего, об этом свидетельствуют такие предикаторы суицидального поведения, как более высокий по сравнению с общероссийским уровень алкоголизации (смертность от причин, связанных со злоупотреблением алкоголем в 2 раза выше), безработицы, разводов, более негативное соотношение браков и разводов, более высокий уровень социальной дифференциации (коэффициент Джини, коэффициент фондов) и ряд других индикаторов. Как известно, из теории самоубийств Э. Дюркгейма – П. Сорокина многие из отмеченных выше «показателей – предикаторов» являются предрасполагающими социопсихологическими суицидогенными факторами.

Феноменология, в том числе статистика суицидального поведения в республике, подтверждает вывод Э. Дюркгейма – П. Сорокина о гендерной специфике суицида, более высоком уровне самоубийств мужчин по сравнению с женщинами. П.А. Сорокин отмечал, что «женщины дают меньший процент самоубийств, чем мужчины. В общем, число самоубийств женщин так относится к числу самоубийств мужчин, как 1 относится к 3» [3, с. 169]. Индекс «сверхсуицидальности» мужчин (число самоубийств мужчин на одно женское самоубийство) на родине П.А. Сорокина составлял в среднем за последние 30 лет: минимальное значение 3,8 раза, максимальное – 6,4 раза. Каузальный комплекс сверхсуицидальности мужчин имеет многофакторные основания. В суицидологическом исследовательском пространстве пока не сложилось единых точек зрения по этой проблеме. Учитывая возможности формата данной статьи, отметим лишь, что сверхсуицидальность мужчин объясняется природным, более низким по сравнению с женщинами порогом биопсихосоциальной адаптации. А поэтому ухудшение или усложнение условий жизни мужчины переносят сложнее. Еще одним предрасполагающим к суициду фактором является более высокий уровень алкоголизации «сильной половины» по сравнению с женщинами. Об этом свидетельствует тот факт, уровень смертности мужчин трудоспособного возраста от причин, связанных с употреблением алкоголя, более чем в 3 раза выше, чем у женщин. П.А. Сорокин объяснял гендерные различия в уровне самоубийств тем, что «женщина в силу исторических условий отстала от мужчины, более привязана к семье, менее индивидуализирована, и ее жизнь более устойчива, чем жизнь мужчины» [1, с. 33]. Действительно, в отличие от мужчин женщины лучше социально интегрированы, они активно используют свои социальные связи для профилактики дистресса и таким образом получают психологическую помощь.

Суицидальная активность имеет определенные сезонные, темпоральные циклы-флуктуации. Питирим Сорокин в работе «Общество, культура и личность: их структура и динамика» отмечал, что «самоубийства имеют достаточно общие сезонные флуктуации, которые достигают своего максимума в мае или июне в европейских странах» [3, с.165]. Наш анализ темпорального, помесечного распределения суицидов показал, что на родине П. Сорокина, как и в России в целом, а также во многих европейских странах число суицидентов увеличивается в мае–июне и снижается в летний период.

Общепринятого объяснения данному, парадоксальному, с точки зрения здравого смысла явлению, нет. Питирим Сорокин, вслед за Эмилем Дюркгеймом отмечал, что «причина их увеличения в эти месяцы скрыта не в погоде или температуре, а в интенсивности социальной жизни и социальных конфликтов. Если кривая самоубийств падает до минимума во время июля, августа и сентября, причина опять-таки, кроется не в клима-

те или других физиографических факторах, а в ослаблении социальной жизни (отпуска и т.д.) и уменьшении социальных поводов к самоубийствам» [3, с. 165].

Этот суицидологический феномен, возможно, объясняется еще и таким социопсихологическим фактором, что весенне-летнее радостное оживление природы усугубляет состояние людей, находящихся в пре-суицидальной ситуации (в условиях потери значимого другого, ревности, измены, материального неблагополучия, неудачи, падения престижа, соматического заболевания, оскорбления, унижения, одиночества, утраты смысла жизни и т.д.) и провоцирует их к осуществлению суицидального акта.

Единственным «несоответствием» теории Э. Дюркгейма–П. Сорокина и флуктуациям самоубийств начала века современным суицидальным российским реалиям является тенденция более высокого уровня суицидов сельского населения по сравнению с городским. В брошюре «Самоубийство как общественное явление» П.А. Сорокин отмечал, что «самоубийства чаще бывают в городах, чем в селах и деревнях. И чем крупнее город, тем больше и самоубийств» [1, с. 37]. Эта оценка затем воспроизведена им и в более поздних работах: в третьем томе «Антологии сельской социологии» (1932) и «Общество, культура и личность: их структура и динамика» (1947). Но впервые эта тенденция была зафиксирована в одной из самых ранних публикаций П. Сорокина «Социологический прогресс и принцип счастья» (1912). Как известно, в этом же социологическом эссе он предложил использовать индикатор уровня самоубийств в качестве одного из объективных критериев «для решения вопроса увеличения или уменьшения счастья» [5, с. 508]. По данным современных западных суицидологов, в странах Европы среди населения крупных промышленных центров уровень суицидов в 2-3 раза выше, чем среди сельских жителей [7, с. 20].

Анализ распределения завершенных самоубийств по месту жительства суицидентов как на родине П. Сорокина, так и в России в целом выявил тенденцию значительного превышения уровня суицида сельского населения над городским. Коэффициент суицидальной активности жителей села и в «советский» и в «постсоветский» периоды истории был в 1,5–2 раза выше, чем горожан. Так, в 1980 г. разрыв в уровне самоубийств «горожан и селян» составлял в республике 1.8 раза, в 2013 г. – более чем 3 раза, в 2017 г. – в 2 раза.

Учитывая, что каузальный «системокомплекс» сверхсуицидальности сельского населения объясняющего это «несоответствие» – тема обстоятельного специального научного доклада, отметим лишь ряд значимых аспектов. Наша аналитическая позиция по данной научной проблеме заключается в том, что эта «флуктуация – отклонение» не отрицает выводы социологической концепции самоубийств Э. Дюркгейма – П. Сорокина, поскольку именно факторами «социокультурного сцепления, психосоциальной изоляции» это «отклонение» и объясняется. В XX в. на родине П.А. Сорокина, как и в России в целом, произошли радикальные социетальные трансформационные процессы, в том числе, и в поселенческой структуре и структуре расселения. Этот социетальный процесс концептуализирован исследователем А.С. Сеньевским как «урбанизационный переход» – переход от сельского общества к городскому... городское преобразование деревни» [6, с. 91]. В XX веке в результате урбанизации произошло существенное ослабление основных, традиционных для села ингибирующих факторов самоубийства: большая трехпоколенная семья, более высокий уровень религиозности, низкий уровень разводов, влияние общественного мнения, «мира» на регулирование многих проблем жизнедеятельности и др. «На селе» появились такие «городские» суицидогенные факторы, детерминированные процессами современной «демографической модернизации», как повышение уровня разводов, сокращение «детности» семей, повышение уровня алкоголизации, наркотизации, преступности и т. д.

В полном объеме каузальный «системокомплекс» сверхсуицидальности сельского населения представлен в нашей публикации [7]. Таким образом, тестирование изложенных в работах П.А. Сорокина идей о феномене самоубийства, его многомерных причин, суицидогенных факторов и иных характеристик суицидального поведения населения начала XX в. на их актуальность и валидность, применительно к тенденциям и флуктуациям суицидальной смертности в конце XX – первом десятилетии XXI в. в России, позволяет сделать обобщающий вывод, что социоантропологическая теория самоубийств Э. Дюркгейма, разработанная в конце XIX – начале XX в., модифицированная, модернизируемая и используемая П.А. Сорокиным для анализа суицидального поведения населения России начала и середины XX в., по многим параметрам является валидной и актуальной для изучения тенденций и флуктуаций самоубийств, процессов суицидогенеза в современном российском обществе, в том числе, и на его родине, в Республике Коми в конце XX – первом десятилетии XXI века.

Литература и источники

1. Сорокин П. Самоубийство, как общественное явление // Социологические исследования, 2003. № 2. С. 23–29.
2. Аванесов С.С. Введение в философскую суицидологию. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. 456 с.
3. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 453 с.

4. О суицидальных явлениях в Республике Коми. Информационная записка. Госкомстат Республики Коми. Сыктывкар, 2000. 45 с.
5. *Сорокин П.* Социологический прогресс и принцип счастья // Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 23–26.
6. *Сенявский А.С.* Урбанизация и этнодемографические процессы в России в XX веке // Историческая демография. Научное издание. Москва; Сыктывкар, 2007. 345 с.
7. *Положий В.С., Лазебник Л.И.* Современное состояние проблемы суицидального поведения. Аналитический обзор. ФГУ “Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П.Сербского” Министерства здравоохранения и социального развития РФ. М., 2010. 35 с.
8. *Теребихин В.М.* Флуктуации суицидального поведения населения Республики Коми // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 48–55.